

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ
О ЖИЗНИ

ЖИЗНЬ
НУЖНА ТОЛЬКО ЗАТЕМ,
ЧТОБЫ ОНА БЫЛА
ХОРОШАЯ

ВЕЛИКИЕ ИДЕИ

Лев Николаевич Толстой

О жизни

Серия «Великие идеи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40124841

О жизни: Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-89831-2

Аннотация

Просветитель, публицист, педагог, философ – Лев Николаевич Толстой посвятил всю свою жизнь поиску нравственного идеала. Сам он однажды сказал: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, ошибаться, начинать и бросать... и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость». Труд «О жизни» Толстой считал одним из главнейших своих сочинений: в нем сконцентрировались все те его взгляды и убеждения, путь к которым был столь мучителен и долог. Его душевные метания сменились уверенностью в правильности выбора.

Содержание

По Толстому, истинная жизнь человеческая – это:	5
«Спокойствие – душевная подлость»	8
Предисловие	10
О жизни	12
Вступление	14
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лев Толстой

О жизни

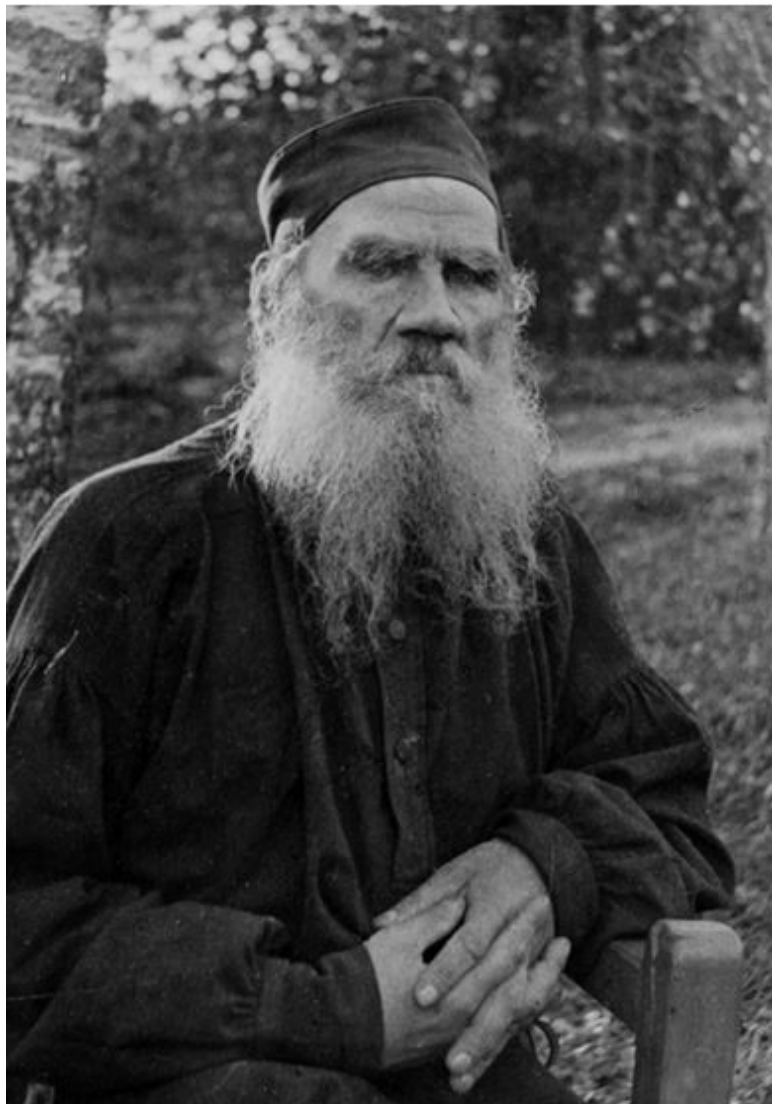
© ИП Сирота Э. Л. Текст, 2016

© ООО «Издательство «Э», 2016

По Толстому, истинная жизнь человеческая – это:

1. Любовь к труду и самоусовершенствование.
2. Постоянное стремление к личному благу.
3. Подчинение животной личности закону разума.
4. Жизнь по религиозным канонам.

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

Лев Николаевич Толстой
1828–1910

«Спокойствие – душевная подлость»

Толстого еще при жизни называли «главой русской литературы» и считали неоспоримым авторитетом в области как писательского ремесла, так и морально-этических вопросов. Просветитель, публицист, педагог, философ – Лев Николаевич Толстой посвятил всю свою жизнь поиску нравственного идеала. Сам он однажды сказал: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, ошибаться, начинать и бросать... и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость».

1828, 28 августа (9 сентября) – в Тульской губернии, в имении Ясная Поляна, в дворянской семье на свет появился граф Лев Толстой.

1844 – поступает в Казанский университет на отделение арабско-турецкой словесности. Вскоре переводится на юридический факультет, а в 1847 году оставляет учебу.

1851–1856 – военная служба на Кавказе и в Крыму. Толстой участвует в Крымской войне и начинает писать «Севастопольские рассказы».

1852 – в журнале «Современник» выходит первый рассказ Толстого – «Детство». Произведение имеет огромный успех.

1857, 1860–1861 – путешествия по Европе. 1862 – Толстой женится на Софье Андреевне Берс.

1860-е – первый большой роман – «Война и мир».

1873 – Толстой избран членом-корреспондентом Императорской академии наук.

1875 – публикуются первые главы романа «Анна Каренина».

1879–1882 – Толстой пишет «Исповедь», религиозно-философское произведение. Углубляется в изучение мировых религий, резко расходится во мнениях с представителями Православной церкви.

1901 – Святейший синод отлучает Толстого от Церкви.

1910 – Толстой тайно покидает Ясную Поляну. Умер 7 (20) ноября в доме начальника железнодорожной станции Астапово.

Предисловие

В 1888 году в московской типографии был отпечатан философский трактат Л. Н. Толстого «О жизни». Но вскоре цензура велела изъять и уничтожить весь тираж. Уцелело всего несколько экземпляров.

Почему очередное произведение мастера, уже весьма известного не только в России, но и за рубежом, постигла такая судьба? Чего так испугались власти предержажие, и какую роль в судьбе самого писателя сыграл этот трактат?

...1880-е годы. Уже созданы главные произведения – «Война и мир» и «Анна Каренина». Толстой, сам глава большой семьи, занимается педагогикой и устройством школ. Но все глубже становится духовный кризис. Итогом напряженных размышлений о добре и зле, о вере и религии стала работа «Исповедь» (тоже запрещенная цензурой). Лев Николаевич проводит дни и ночи в изучении религиозных и философских трактатов – и в результате полностью расходится во взглядах с представителями Православной церкви.

И вот в 1887 году писатель впервые представляет публике выдержки из своего нового произведения, первоначально названного «О жизни и смерти». Но вскоре автор вычеркнет из названия слово «смерть», ибо он пишет о жизни истинной, которая начинается только с проявления разумного сознания, о жизни счастливой, возможной только благодаря

неустанной работе над собой, о жизни вечной, когда человек существует не только сам по себе – но еще и в душе окружающих и в памяти поколений.

Цензоров напугал лейтмотив книги: законы совести и разума должны прийти на смену бездумному повторению церковных догматов. Сам же Толстой считал «О жизни» одним из главнейших своих сочинений: в нем сконцентрировались все те его взгляды и убеждения, путь к которым был столь мучителен и долог. Его душевные метания сменились уверенностью в правильности выбора.

О ЖИЗНИ

Человек не что иное, как тростник, очень слабый по природе, но этот тростник мыслит. Незачем целой вселенной ополчаться, чтобы его раздавить. Пара, капли воды достаточно, чтобы его умертвить. Но если бы даже вселенная раздавила его, человек был бы еще более благороден, чем то, что его убивает, потому что он знает, что он умирает; а вселенная ничего не знает о том преимуществе, которое она имеет над ним. Итак, все наше достоинство состоит в мысли. В этом отношении мы должны возвышать себя, а не в отношении к пространству и времени, которое мы не сумели бы наполнить. Постараемся же научиться хорошо мыслить: вот принцип нравственности.

Паскаль. Мысли

Две вещи наполняют душу постоянно новым и возрастающим удивлением и благоговением и тем больше, чем чаще и внимательнее занимается ими размышление: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне. То и другое, как бы покрытые мраком или бездною, находящиеся вне моего горизонта, я не должен исследовать, а только предполагать; я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования. Первое начинается с того пункта, какой занимаю я во внешнем чувственном

мире, и расширяет связь, в которой нахожусь я, в неизмеримую величину в сравнении с мирами миров и с системами систем и сверх того расширяет свое периодическое движение, его начало и продолжение в беспредельные времена. Второе начинается с моего невидимого «я», с моей личности и изображает меня в мире, который имеет истинную бесконечность и постигается только рассудком и с которым, а через него и со всеми другими видимыми мирами, я познаю себя не только в случайной, как там, но во всеобщей и необходимой связи.

Кант. Критика практического разума

Заповедь новую даю вам, да любите друг друга.

Ев. Иоан. XII, 34

Вступление

Представим себе человека, которого единственным средством к жизни была бы мельница. Человек этот – сын и внук мельника и по преданию твердо знает, как надо во всех частях ее обращаться с мельницей, чтобы она хорошо молола. Человек этот, не зная механики, прилаживал, как умел, все части мельницы так, чтобы размол был спорый, хороший, и человек жил и кормился.

Но случилось этому человеку раздуматься над устройством мельницы, услышать кое-какие неясные толки о механике, и он стал наблюдать, что отчего вертится.

И от порхлицы до жернова, от жернова до вала, от вала до колеса, от колеса до заставок, плотины и воды, дошел до того, что ясно понял, что все дело в плотине и в реке. И человек так обрадовался этому открытию, что вместо того, чтобы по-прежнему, сличая качество выходящей муки, опускать и поднимать жернова, ковать их, натягивать и ослаблять ремень, стал изучать реку. И мельница его совсем разладилась. Стали мельнику говорить, что он не то делает. Он спорил и продолжал рассуждать о реке. И так много и долго работал над этим, так горячо и много спорил с теми, которые показывали ему неправильность его приема мысли, что под конец и сам убедился в том, что река и есть самая мельница.

«Вер, исповедуемых в наше время, вовсе не тысяча, а только три: китайская, индийская и еврейско-христианская (с своим отростком магометанством).»

На все доказательства неправильности его рассуждений такой мельник будет отвечать: никакая мельница не мелет без воды; следовательно, чтоб знать мельницу, надо знать, как пускать воду, надо знать силу ее движения и откуда она берется, – следовательно, чтобы знать мельницу, надо познать реку.

Логически мельник неопровержим в своем рассуждении. Единственное средство вывести его из его заблуждения состоит в том, чтобы показать ему, что в каждом рассуждении не столько важно само рассуждение, сколько занимаемое рассуждением место, т. е. что для того, чтобы плодотворно мыслить, необходимо знать, о чем прежде надо мыслить и о чем после; показать ему, что разумная деятельность отличается от безумной только тем, что разумная деятельность распределяет свои рассуждения по порядку их важности: какое рассуждение должно быть 1-м, 2-м, 3-м, 10-м и т. д. Безумная же деятельность состоит в рассуждениях без этого порядка. Нужно показать ему и то, что определение этого порядка не случайно, а зависит от той цели, для которой и производятся рассуждения.

Цель всех рассуждений и устанавливает порядок, в котором должны располагаться отдельные рассуждения, для того

чтобы быть разумными.

И рассуждение, не связанное с общей целью всех рассуждений, безумно, как бы оно ни было логично.

Цель мельника в том, чтобы у него был хороший размол, и эта-то цель, если он не будет упускать ее из вида, определит для него несомненный порядок и последовательность его рассуждений о жерновах, о колесе, плотине и о реке.

Без этого же отношения к цели рассуждений, рассуждения мельника, как бы они ни были красивы и логичны, сами в себе будут неправильны и, главное, праздны; будут подобны рассуждениям Кифы Мокеевича,¹ рассуждавшего о том, какой толщины должна бы быть скорлупа слоновового яйца, если бы слоны выводились из яиц, как птицы. И таковы, по моему мнению, рассуждения нашей современной науки о жизни.

Жизнь есть та мельница, которую хочет исследовать человек. Мельница нужна для того, чтобы она хорошо молола, жизнь нужна только затем, чтобы она была хорошая. И эту цель исследования человек не может покидать ни на одно мгновение безнаказанно. Если он покинет ее, то его рассуждения неизбежно потеряют свое место и сделаются подобны рассуждениям Кифы Мокеевича о том, какой нужен порох, чтобы пробить скорлупу слоновых яиц.

Целью живых существ представляется при внешнем наблюдении – сохранение своей личности,

¹ Персонаж «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. – Прим. ред.

сохранение своего вида, воспроизведение себе подобных и борьба за существование, и эта самая воображаемая цель жизни навязывается и человеку.

Исследует человек жизнь только для того, чтобы она была лучше. Так и исследовали жизнь люди, подвигающие вперед человечество на пути знания. Но рядом с этими истинными учителями и благодетелями человечества всегда были и теперь есть рассудители, покидающие цель рассуждения и вместо нее разбирающие вопрос о том, отчего происходит жизнь, отчего вертится мельница. Одни утверждают, что от воды, – другие, что от устройства. Спор разгорается, и предмет рассуждения отодвигается все дальше и дальше и совершенно заменяется чуждыми предметами.

Есть старинная шутка о споре жидовина с христианином. Рассказывается, как христианин, отвечая на запутанные тонкости жидовина, ударил его ладонью по плечи так, что щелкнуло, и задал вопрос: от чего щелкнуло? от ладони или от плечи? И спор о вере заменился новым неразрешимым вопросом.

Что-то подобное с древнейших времен рядом с истинным знанием людей происходит и по отношению к вопросу о жизни.

С древнейших времен известны рассуждения о том, отчего происходит жизнь? от невещественного начала или от различных комбинаций материи? И рассуждения эти продолжа-

ются до сих пор, так что не предвидится им никакого конца, именно потому, что цель всех рассуждений оставлена и рассуждается о жизни независимо от ее цели; и под словом «жизнь» понимают уж не жизнь, а то, отчего она происходит, или то, что ей сопутствует.

Теперь, не только в научных книжках, но и в разговорах, говоря о жизни, говорят не о той, которую мы все знаем, – о жизни, сознаваемой мною теми страданиями, которых я боюсь и которые ненавижу, и теми наслаждениями и радостями, которых я желаю; а о чем-то таком, что, может быть, возникло из игры случайности по некоторым физическим законам, а может быть, и от того, что имеет в себе таинственную причину.

Теперь слово «жизнь» приписывается чему-то спорному, не имеющему в себе главных признаков жизни: сознания страданий и наслаждений, стремления к благу.

«Жизнь – это совокупность явлений, сопротивляющихся смерти... Жизнь есть двойной процесс разложения и соединения, общего и вместе с тем непрерывного. Жизнь есть известное сочетание разнородных изменений, совершающихся последовательно. Жизнь есть организм в действии. Жизнь есть особенная деятельность органического вещества. Жизнь есть приспособление внутренних отношений к внешним».

Не говоря о неточностях, тавтологиях, которыми наполне-

ны все эти определения, сущность их всех одинакова, именно та, что определяется не то, что все люди одинаково бесспорно понимают под словом «жизнь», а какие-то процессы, сопутствующие жизни и другим явлениям.

Под большинство этих определений подходит деятельность восстанавливающегося кристалла; под некоторые подходит деятельность брожения, гниения, и под все подходит жизнь каждой отдельной клеточки моего тела, для которых нет ничего – ни хорошего, ни дурного. Некоторые процессы, происходящие в кристаллах, в протоплазме, в ядре протоплазмы, в клеточках моего тела и других тел, называют тем словом, которое во мне неразрывно соединено с сознанием стремления к моему благу.

Рассуждение о некоторых условиях жизни, как о жизни, все равно что рассуждение о реке, как о мельнице. Рассуждения эти, может быть, для чего-нибудь очень нужны. Но рассуждения эти не касаются того предмета, который они хотят обсуживать. И потому все заключения о жизни, выводимые из таких рассуждений, не могут не быть ложны.

Слово «жизнь» очень коротко и очень ясно, и всякий понимает, что оно значит. Но именно потому, что все понимают, что оно значит, мы и обязаны употреблять его всегда в этом понятном всем значении. Ведь слово это понятно всем не потому, что оно очень точно определено другими словами и понятиями, а, напротив, потому, что слово это означает основное понятие, из которого выводятся многие, если не все

другие понятия, и поэтому для того, чтобы делать выводы из этого понятия, мы обязаны прежде всего принимать это понятие в его центральном, бесспорном для всех значении. А это-то самое, мне кажется, и было упущено спорящими сторонами по отношению к понятию жизни. Случилось то, что основное понятие жизни, взятое вначале не в его центральном значении, вследствие споров о нем все более и более удаляясь от основного, всеми признаваемого центрального значения, потеряло наконец свой основной смысл и получило другое, не соответствующее ему значение. Сделалось то, что самый центр, из которого описывали фигуры, оставлен и перенесен в новую точку.

Спорят о том, есть ли жизнь в клеточке или в протоплазме, или еще ниже, в неорганической материи? Но прежде чем спорить, надо спросить себя: имеем ли мы право приписывать понятие жизни клеточке?

Мы говорим, например, что в клеточке есть жизнь, что клеточка есть живое существо. А между тем основное понятие жизни человеческой и понятие той жизни, которая есть в клеточке, суть два понятия, не только совершенно различные, но и несоединимые. Одно понятие исключает другое. Я открываю, что мое тело все без остатка состоит из клеточек. Клеточки эти, мне говорят, имеют то же свойство жизни, как и я, и суть такие же живые существа, как и я; но себя я признаю живым только потому, что я сознаю себя со всеми клеточками, составляющими меня, одним нераздель-

ным живым существом. Весь же я без остатка, мне говорят, составлен из живых клеточек. Чему же я припишу свойство жизни – клеточкам или себе? Если я допущу, что клеточки имеют жизнь, то я от понятия жизни должен отвлечь главный признак своей жизни, сознание себя единым живым существом; если же я допущу, что я имею жизнь, как отдельное существо, то очевидно, что клеточкам, из которых состоит все мое тело и о сознании которых я ничего не знаю, я никак не могу приписать того же свойства.

Или я живой и во мне есть неживые частицы, называемые клеточками, – или есть сонмище живых клеточек, а мое сознание жизни не есть жизнь, а только иллюзия.

Мы ведь не говорим, что в клеточке есть что-то такое, что мы называем *брызнь*, а говорим, что есть «жизнь». Мы говорим «жизнь», потому что под этим словом разумеем не какой-то *x*, а вполне определенную величину, которую мы знаем все одинаково и знаем только из самих себя, как сознание себя с своим телом единым, нераздельным с собою, и потому такое понятие неотносимо к тем клеточкам, из которых состоит мое тело.

Какими бы исследованиями и наблюдениями ни занимался человек, для выражения своих наблюдений он обязан под каждым словом разумеет то, что всеми одинаково бесспорно разумеется, а не какое-либо такое понятие, которое ему нужно, но никак не сходится с основным, всем известным понятием. Если можно слово «жизнь» употреблять так, что

оно обозначает безразлично: и свойство всего предмета, и совсем другие свойства всех составных частей его, как это делается с клеточкой и животным, состоящим из клеточек, то можно также употреблять и другие слова, – можно, например, говорить, что так как все мысли из слов, а слова из букв, а буквы из черточек, то рисование черточек есть то же, что изложение мыслей, и потому черточки можно назвать мыслями.

И браминские, и буддийские, и даосские, и еврейские, и христианские фарисеи говорят всегда одно и то же. Жизнь настоящая – зло, и объяснение этого зла в прошедшем – в появлении мира и человека; исправление же существующего зла – в будущем, за гробом.

Самое обычное явление, например, в научном мире – слышать и читать рассуждения о происхождении жизни из игры физических, механических сил.

Да едва ли не большинство научных людей держится этого... затрудняюсь, как сказать... мнения не мнения, парадокса не парадокса, а скорее шутки или загадки.

Утверждается, что жизнь происходит от игры физических и механических сил, – тех физических сил, которые мы называли физическими и механическими только в противоположность понятию жизни.

Очевидно, что неправильно прилагаемое к чуждым ему понятиям слово «жизнь», уклоняясь далее и далее от свое-

го основного значения, в этом значении удалилось от своего центра до того, что жизнь предполагается уже там, где, по нашему понятию, жизни и быть не может.

Утверждается подобное тому, что есть такой круг или шар, в котором центр вне его периферии.

В самом деле, жизнь, которую я не могу себе представить иначе, как стремлением от зла к благу, происходит в той области, где я не могу видеть ни блага, ни зла. Очевидно, что центр понятия жизни перестановлен совсем. Мало того, следя за исследованиями об этом чем-то, называемом жизнью, я вижу даже, что исследования эти и не касаются почти никаких известных мне понятий. Я вижу целый ряд новых понятий и слов, имеющих свое условное значение в научном языке, но не имеющих ничего общего с существующими понятиями.

Известное мне понятие жизни понимается не так, как все понимают его, и выводные из него понятия тоже не сходятся с обычными понятиями, а являются новые, условные понятия, получающие соответствующие выдуманнные названия.

Человеческий язык вытесняется все более и более из научных исследований, и вместо слова, средства выражения существующих предметов и понятий, воцаряется научный воляпюк,² отличающийся от настоящего воляпюка только тем, что настоящий воляпюк общими словами называет су-

² Воляпюк – искусственный международный язык, разработанный в XIX веке немецким пастором И.-М. Шлейером (1831–1912). – *Прим. ред.*

ществующие предметы и понятия, а научный – несуществующими словами называет несуществующие понятия.

Единственное средство умственного общения людей есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия. Если же можно употреблять слова как попало и под словами разуместь, что нам вздумается, то лучше уж не говорить, а показывать все знаками.

Я согласен, что определять законы мира из одних выводов разума без опыта и наблюдения есть путь ложный и ненаучный, т. е. не могущий дать истинного знания; но если изучать явления мира опытом и наблюдениями и вместе с тем руководствоваться в этих опытах и наблюдениях понятиями не основными, общими всем, а условными, и описывать результаты этих опытов словами, которым можно приписывать различное значение, то не будет ли еще хуже? Самая лучшая аптека принесет величайший вред, если ярлыки на банках будут наклеиваться не по содержанию, а как удобнее аптекарю.

Но мне скажут: наука и не ставит себе задачей исследования всей совокупности жизни (включая в нее волю, желание блага и душевный мир); она только делает отвлечение от понятия жизни тех явлений, которые подлежат ее опытным исследованиям.

Вот это было бы прекрасно и законно. Но мы знаем, что

это совсем не так в представлении людей науки нашего времени. Если бы было прежде всего признано понятие жизни в его центральном значении, в том, в котором все его понимают, и потом было бы ясно определено, что наука, сделав от этого понятия отвлечение всех сторон его, кроме одной, подлежащей внешнему наблюдению, рассматривает явления с одной этой стороны, для которой она имеет свойственные ей методы исследования, тогда бы было прекрасно и было бы совсем другое дело: тогда и место, которое заняла бы наука, и результаты, к которым бы мы приходили на основании науки, были бы совсем другие. Надо говорить то, что есть, а не скрывать того, что мы все знаем. Разве мы не знаем, что большинство опытно-научных исследователей жизни вполне уверены, что они изучают не одну только сторону жизни, а всю жизнь.

Астрономия, механика, физика, химия и все другие науки вместе, и каждая порознь, разрабатывают каждая подлежащую ей сторону жизни, не приходя ни к каким результатам о жизни вообще. Только во времена своей дикости, т. е. неясности, неопределенности, некоторые науки эти пытались с своей точки зрения охватить все явления жизни и путались, сами выдумывая новые понятия и слова. Так это было с астрономией, когда она была астрологией, так было и с химией, когда она была алхимией. То же происходит и теперь с той опытной эволюционной наукой, которая, рассматривая одну сторону или некоторые стороны жизни, заявляет притязания

на изучение всей жизни.

«Глядя на суетолоку существования, называемую жизнью, в которой принимают участие старые, окружаемые уважением люди, уверяются, что это безумная толкотня и есть жизнь, и другой никакой нет, и уходят, потолкавшись у дверей ее.»

Люди с таким ложным взглядом на свою науку никак не хотят признать того, что их исследованиям подлежат только некоторые стороны жизни, но утверждают, что вся жизнь со всеми ее явлениями будет исследована ими путем внешнего опыта. «Если, – говорят они, – „психика“ (они любят это неопределенное слово своего воляпука) неизвестна еще нам, то она будет нам известна». Исследуя одну или несколько сторон жизненных явлений, мы узнаем все стороны; т. е., другими словами, что если очень долго и усердно смотреть на предмет с одной стороны, то мы увидим предмет со всех сторон и даже из середины.

Как ни удивительно такое странное учение, объяснимое только фанатизмом суеверия, оно существует и, как всякое дикое фанатическое учение, производит свое губительное влияние, направляя деятельность человеческой мысли на путь ложный и праздный. Гибнут добросовестные труженики, посвящающие свою жизнь на изучение почти ненужного, гибнут материальные силы людей, направляясь туда, куда не нужно, гибнут молодые поколения, направляемые на самую праздную деятельность Киф Мокеевичей, возведенную на

степень высшего служения человечеству.

Говорят обыкновенно: «Наука изучает жизнь со всех сторон». Да в том-то и дело, что у всякого предмета столько же сторон, сколько радиусов в шаре, т. е. без числа, и что нельзя изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны важнее, нужнее и с которой менее важно и менее нужно. Как нельзя подойти к предмету сразу со всех сторон, так нельзя сразу и со всех сторон изучать явления жизни. И волей-неволей устанавливается последовательность. Вот в ней-то и все дело. Последовательность же эта дается только разумением жизни.

Только правильное разумение жизни дает должное значение и направление науке вообще и каждой науке в особенности, распределяя их по важности их значения относительно жизни. Если же разумение жизни не таково, каким оно вложено во всех нас, то и самая наука будет ложная.

Не то, что мы назовем наукой, определит жизнь, а наше понятие о жизни определит то, что следует признать наукой. И потому для того, чтобы наука была наукой, должен быть прежде решен вопрос о том, что есть наука и что не наука, а для этого должно быть уяснено понятие о жизни.

Скажу откровенно всю свою мысль: мы все знаем основной догмат веры этой ложной опытной науки.

Существует материя и ее энергия. Энергия движет, движение механическое переходит в молекулярное, молекулярное выражается теплом, электричеством, нервной, мозговой

деятельностью. И все без исключения явления жизни объясняются отношениями энергий. Все так красиво, просто, ясно и, главное, удобно. Так что если нет всего того, чего нам так хочется и что так упрощает нашу жизнь, то все это надо как-нибудь выдумать.

И вот вся моя дерзкая мысль: главная доля энергии, страстности деятельности опытной науки зиждется на желании выдумать все то, что нужно для подтверждения столь удобного представления.

Во всей деятельности этой науки видишь не столько желание исследовать явления жизни, сколько одну, всегда присутствующую заботу доказать справедливость своего основного догмата. Что потрачено сил на попытки объяснений происхождения органического из неорганического и психической деятельности из процессов организма? Не переходит органическое в неорганическое; поищем на дне моря – найдем штуку, которую назовем ядром, монерой.³

И там нет; будем верить, что найдется, – тем более что к нашим услугам целая бесконечность веков, куда мы можем спихивать все, что должно бы быть по нашей вере, но чего нет в действительности.

То же и с переходом из органической деятельности в психическую. Нет еще? Но мы верим, что будет, и все усилия ума употребляем на то, чтобы доказать хоть возможность

³ Устаревшее название простейших одноклеточных организмов без ядра. – *Прим. ред.*

этого.

Споры о том, что не касается жизни, именно о том, отчего происходит жизнь: анимизм ли это, витализм ли, или понятие еще особой какой силы, скрыли от людей главный вопрос жизни – тот вопрос, без которого понятие жизни теряет свой смысл, и привели понемногу людей науки – тех, которые должны вести других, – в положение человека, который идет и даже очень торопится, но забыл, куда именно.

Но может быть, я и умышленно стараюсь не видеть тех огромных результатов, которые дает наука в теперешнем ее направлении? Но ведь никакие результаты не могут исправить ложного направления. Допустим невозможное – то, что все, что желает познать теперешняя наука о жизни, о чем утверждает (хотя и сама не веря в это), что все это будет открыто: допустим, что все открыто, все ясно как день. Ясно, как из неорганической материи зарождается через приспособление органическое; ясно, как физические энергии переходят в чувства, волю, мысль, и все это известно не только гимназистам, но и деревенским школьникам.

Мне известно, что такие-то мысли и чувства происходят от таких-то движений. Ну, и что ж? Могу ли я или не могу руководить этими движениями, чтобы возбуждать в себе такие или другие мысли? Вопрос о том, какие мне надо возбуждать в себе и других мысли и чувства, остается не только нерешенным, но даже незатронутым.

Знаю я, что люди науки не затрудняются отвечать на этот

вопрос. Решение этого вопроса им кажется очень просто, как просто всегда кажется решение трудного вопроса тому человеку, который не понимает его. Решение вопроса о том, как устроить жизнь, когда она в нашей власти, для людей науки кажется очень просто. Они говорят: устроить так, чтобы люди могли удовлетворять свои потребности; наука выработает средства, во-первых, для того, чтобы правильно распределять удовлетворение потребностей, а во-вторых, средства производить так много и легко, что все потребности легко будут удовлетворены, и люди тогда будут счастливы.

Если же спросишь, что называется потребностью и где пределы потребностей, то на это также просто отвечают: наука – на то наука, чтобы распределить потребности на физические, умственные, эстетические, даже нравственные, и ясно определить, какие потребности и в какой мере законны и какие и в какой мере незаконны.

Она со временем определит это. Если же спросить, чем руководствоваться в определении законности и незаконности потребностей, то на это смело отвечают: изучением потребностей. Но слово «потребность» имеет только два значения: или условие существования, а условий существования каждого предмета бесчисленное количество, и потому все условия не могут быть изучены, или требование блага живым существом, познаваемое и определяемое только сознанием и потому еще менее могущее быть изученным опытной наукой.

Есть такое учреждение, корпорация, собрание, что ли, людей или умов, которое непогрешимо и называется «наука». Оно все это определит со временем.

«Человек имеет в глубине души своей неизгладимое требование того, чтобы жизнь его была благом и имела разумный смысл, а жизнь, не имеющая перед собой никакой другой цели, кроме загробной жизни или невозможного блага личности, есть зло и бессмыслица.»

Разве не очевидно, что такое решение вопроса есть только перефразированное царство Мессии, в котором роль Мессии играет наука, а что для того, чтобы объяснение такое объясняло что-нибудь, необходимо верить в догматы науки так же бесконтрольно, как верят евреи в Мессию, что и делают правоверные науки, – с тою только разницей, что правоверному еврею, представляющему себе в Мессии посланника божия, можно верить в то, что он все своей властью устроит отлично; для правоверного же науки по существу дела нельзя верить в то, чтобы посредством внешнего изучения потребностей можно было решить главный и единственный вопрос о жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.